

ТАТЬЯНА РОЖКОВА

Историк русской литературы, фольклорист

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы Магнитогорского государственного университета. Основная сфера научных интересов — история русской литературы XVIII века. С 1993 года руководит Лабораторией народной культуры, проводящей полевые исследования традиций русских поселений Южного Урала. Богатейший фольклорный архив стал основой для сборников: «Русские свадебные песни горнозаводских сёл Башкирии» (2000); «Календарно-обрядовый фольклор Южного Урала» (2003); «Похоронно-поминальные традиции на Южном Урале» (2007); «Казачество: образы культурной идентичности» (2010).

«ДУША С ТЕЛОМ РАССТАВАЛАСЯ...»

Духовные стихи в традиции горнозаводских сёл Южного Урала

«Народ у нас сбродный, *совсюду...*»¹

Приток русского населения на Южный Урал связан с освоением рудных богатств края, с развернувшимся во второй половине XVIII века строительством «железодельных» заводов. Государство разрешало промышленникам покупать деревни с крепостными, перевозить своих крестьян, приписывало к заводам крестьян государственных. Так сложилось новое социально-этническое образование — «горнозаводское население».

Немногочисленная литература по истории края даёт противоречивый материал по датам основания поселений. Авторы, по большей части краеведы, в своей датировке ориентируются на разные события, среди которых не только появление первых поселенцев, но и время основания заводов, выпуск первой продукции, начало работ после разрушительных пожаров и т.д. Так, посёлок Ломовка при Белорецком заводе (1762) получил своё название от рода занятий его жителей: они были «ломовыми извозчиками» и поставляли сырьё на Белорецкий завод. Собственное промышленное производство было налажено в сёлах Узьян (1777), Кара (1769), Тирлян (1752/1801), Верхний и Нижний Авзян (1753), Инзер (1890). По данным книги М. К. Любавского, Авзяно-Петровский завод и завод на реке Кара

были основаны графом Петром Ивановичем Шуваловым «в компании» с Кузьмой Матвеевым в 1754 году². В 1760 году заводы купил Евдоким Демидов. Известно, что Демидовы переселяли крестьян из своих вотчин в Брянском, Тверском, Симбирском уездах³. Село Кирябинское населено выходцами из разных губерний помещиком Лугининым для добывания медной руды около 1791 года.

В старожильской среде бытуют рассказы о первопоселенцах, в которых сплелись семейные предания и сведения из краеведческой литературы (последние зачастую тоже давно вошли в устное бытование).

Е.И. Плохова, 1904 г. р., Ломовка

«Мама рассказывала, Акулина Ивановна, у ней была бабушка и прабабушка. Одна 118 лет, другая 110 лет жили. Приехали в дремучий лес сюда. Их сослали с Волги — за то, что не заплатили налог на землю» (Плохова Е.Ф., Ломовка).

«В Ломовке-то жили переселенцы, беглецы. Ломов был помещик. Их семь Ломовок в России» (Поздышев Ф.Ф., Ломовка).

«Я местная. И родители и дети узянские. Народ у нас *сбродный, совсюду*. Дед умер в 1941 году, он говорил: с реки Яны приехали. Уж не дед — прадед он. Здесь же лес был, лес вырубил. Вот мой прадед со своим отцом *сюды* и приехали, *пряма* лес рубили и избы себе ставили. Вот с реки Яны, это где-то далеко, а *игде* не знаю» (Савельева А. П., Узян).

«Кага — населённая. Людей *у* карты проигрывали и их присылали сюда, пригоняли. Населяли возле реки. Мой прадед проигранный был» (Киселёва М. К., Кага).

«Людей *у* коробе привозили да вываливали. И калмыков привозили и всяких *языков*, ну и рубили на месте *быдто* дома. И *быдто* озеро здесь было. Это раньше, когда село образовывалось» (Кузнецова А. А., Кага).

«Тирлян-то постарше Белорецка будет. Делится на посёлок демидовский да на деревню в низовке, у неё название было — Берёзовка» (Медведков Н. П., Тирлян).

«Основателем считается Сергей Павлович фон Дервиз, который получил от отца-дворянина в наследство дачу... На Инзерский *чугу-*

ноплавильный завод крестьян привезли из Пензенской и Пермской губерний» (Черепанов П. Н., Инзер)⁴.

Разница историко-культурных корней переселенцев до сих пор отчётливо заметна в местных традициях, фольклоре, речи. Традиция подмечать эти особенности была свойственна когда-то крестьянской среде, воплощаясь в прозваниях жителей окрестных сёл, их репутациях — своего рода «народной антропологии», следы которой сохранились и сейчас.

«Жителей Верхнего Авзяна называют „долгополые“, жителей Нижнего Авзяна — „киргизы“, а жителей Каги — „кулажники“» (Бочкарёва Р. И., В. Авзян).

«У Каге свой язык. Они на „о“ да на „що“ *говорять*. У них и песни другие. Они горластые, *поют* громко. Кагинских не *оцень* уважали, „мякинники“ звали. И они нас как-то называли» (Бардина М. Д., Авзян).

Крестьянство, оторванное от родных земель, обустроивало жизнь «при заводах» в своих культурных традициях. В сёлах сохранилась характерная для русской деревни пространственная структура. Храм и господский дом располагались на возвышенности, наблюдалось чёткое деление на «края». Сложилась и местная сакральная топография; среди почитаемых («священных») мест главным был родник, к которому совершались паломничества в православные праздники. В Узьяне — Галкин колодезь, в Каге — «сажилка», в Авзяне — ключ на Малиновой горе, в Тирляне таких источников несколько.

Со временем установилась и духовная жизнь края: были выстроены церкви, открыты приходы, обретены местночтимые святыни. К началу XX века мы имеем следующую картину⁵:

Название прихода	Год открытия прихода	Церковь	Кол-во прихожан
Белорецкий	1879	Николаевская (каменная)	3773
Тирлянский	1804	Михаило-Архангельская (деревянная)	1571
Кагинский	1777	Николаевская (деревянная)	1381
Авзяно-Петровский, в 2 заводах	1877	Казанско-Богородицкая (каменная); Введенская	3149

В селе Ломовка деревянная церковь во имя Архистратига Михаила была построена в 1870 году на средства жителей и с помощью Белорецкого заводоуправления.

За недостатком рабочих рук управляющие заводов с охотой принимали людей, пришедших по собственной воле. Среди них было немало старообрядцев. В Узянском и Тирлянском заводах, по клировой ведомости 1892 года, проживали раскольники: 8 и 20 дворов соответственно⁶. Деятельность церковных школ считалась главным средством борьбы с расколом. К 1916 году в Узяне было 4 школы, в Тирляне — 3⁷. Всякий переход из старообрядчества в православие официально объявлялся через соответствующий раздел в «Оренбургских епархиальных ведомостях». Из Тирлянского прихода о переходе в православие заявляли старообрядцы австрийского согласия и беспоповского толка⁸. Сила раскола в Оренбургском крае была достаточно велика, поэтому при Николаевской церкви Белорецкого завода было решено организовать «противураскольничью» библиотеку⁹.

Со второй половины XVI века девятая пятница после Пасхи почитается в Оренбургском и Уфимском крае как день обретения иконы Божьей Матери в источнике под Табынском. Крестные ходы с Табынской святыней призваны были объединить пёстрое в этническом и религиозном отношении население. Торжественные и многолюдные паломничества богомольцев сохранились в памяти жителей горнозаводских сёл.

«Идут, бывало, на Табынскую, несут Божью Мать — заставляли нас её поцеловать, *перехреститься* и под иконой пройти, чтоб не болеть» (Петрова Е. С., В. Авзян).

«Через посёлок проходил крестный ход, несли Богородицу. Один мужчина, старичок, лежал... и ещё не старичок, говорят, был очень больной. Так вот эта икона, она очень целебная, она Табынская Богородица. Встречали её с хлебом с солью, и когда люди встретили её, то передали просьбу от того мужчины: что, мол, он хочет, чтобы Божья Мать его всё же посетила. Короче говоря, они здесь побыли, за ними идут ещё подводы — и не хотели ехать к мужчине. И вот Богородица встала. Ну, как встала? Вот, значит, они хотели её поднять и понести, а она не поднимается. Значит, решили её на повозку, а она не *даётся* никак. Ну, чё? Подошли здесь старшие и говорят: „Уж он просил, давайте...“ Решили мужика вынести к воротам. И тогда Богородица *далась*. Вошли во двор, значит, он поцеловал — лёжа прям... поцеловал эту икону прям и сказал: „Спасибо, люди добрые, всё же увидел Божью мать. Может, она мне даст исцеление какое-то“. Повернулись, значит, — опять легко понёсся. А этот мужчина через неделю и исцелился» (Балдуева Е. В., Тирлян).

Объединяющую силу этих крестных ходов подчёркивает епископ Оренбургский и Уральский Макарий в своём стихотворении по случаю встречи чудотворной иконы в Оренбурге:

Какими гимнами почтить
 Столь чудной Матери приход!
 И как возможет восхвалить
 Её казацкий весь народ!
 И вот татары и калмыки
 Смиренно головы склоняют.
 Мордва, киргизы и кашкиры
 Её, как дети, величают.
 <...>
 Есть, однако, между ними
 И раскола много чад,
 Эти чада выйдут с ними
 Образ твой святой встречать¹⁰.

«Вот у людей я нашла какой стих и записала...»

Одной из примет старообрядческой культуры являются рукописные книги и тетради стихов на духовные темы. С ними православные иерархи связывали успех «раскольничьей пропаганды» в регионе. Опасаясь роста раскола, конфисковывали книги и тетради; на всякий случай запрещали пение в церквях по рукописным нотным тетрадам; священникам было настоятельно рекомендовано «употреблять не иначе как печатные экземпляры»¹¹. Исключительно со старообрядцами, проживающими «в отдалённых дебрях лесов», часто связывают как сочинение, так и распространение духовных песен¹². Если это относительно верно для XIX — начала XX века, то в советское атеистическое время духовная рукописная традиция в целом (и стихотворная в частности) отнюдь не ограничивается старообрядческой средой и становится повсеместной.

В женской культуре горнозаводского населения и в наши дни широко бытуют рукописные тетради («цельная тетрадь стихов», «тетрадь собирается», «начала тетрадку»). Нижнюю временную границу их бытования можно переместить в конец XIX века. По воспоминаниям носителей традиции 1925–1930-х годов рождения, исполнение стихов в составе похоронно-поминальной обрядности было всегда:

«Мама сказывала, что в нашем селе всегда пели духовные стихи» (Елисеева О. Ф., В. Авзян);

«... здесь в Ломовке всегда пели, сколько я помню, всегда пели на поминках» (Безумнова А. В., Ломовка).

Самые внушительные собрания рукописных тетрадей обнаружилось у Варвары Павловны Синицыной (Ломовка), Ольги Фёдоровны Елисеевой

(Верхний Авзян). Стихи и тетради часто нумеруются, иногда составляется оглавление. Одним из источников текстов информанты называют «старинные книжечки»:

В.П. Синецкина, 1927 г. р., Ломовка

«Это тетрадь моей мамы. Мать умерла в восемьдесят четыре года, ещё до войны» (Благова А. А, Тирлян).

Передача традиции проходила по довольно строгим правилам. По рассказам В.П. Синецкиной, ломовская «старинная читальщица» Саня Савинова неоднократно проверяла у неё тетради с записями: «... ещё тут точка, а вот тут зачеркнула совсем зелёными чернилами, а тут — красненьки. А вот она другой раз ещё приходила — тут-то красненьки вот эти точки. Она у меня всю тетрадку проверила» (Синецкина В. П., Ломовка).

Понравившиеся и незнакомые тексты переписывали, делились друг с другом. «Вот у людей я нашла какой стих и записала... У меня этого стиха не было, а мне понравился. Я говорю: „Ты мне спиши“. Она списала. Вот оно и накапливалось», — так комментировала собрание своих стихов В.П. Синецкина (Ломовка). На вопрос о происхождении тетради Нина Александровна Петрова (Кирыбинка) рассказала о своей подруге, которая «пишет и пишет всем, только спроси!»: «Опять у ей тетрадка лежит, написана лежит. Сейчас попроси — она принесёт! Добро сделает людям. Вроде Бог ей продлит век».

Экспедиционные наблюдения показали, что далеко не все записанные в тетрадях стихи востребованы в устном обиходе. Значительный пласт — по приблизительным подсчётам, более половины — пребывает в пассивном бытовании. Просматривая содержание тетрадей, информанты часто замечают: «этот не поём, его мало кто знает», «не поём, его трудно петь». Без специального заучивания исполнение достаточно объёмных и сложных по языку текстов затруднено, а потому рукописная тетрадь для удержания стихов в памяти приобретает особое значение.

«Вот „Райская птичка“ там была» (Синецкина В.П., Ломовка). Чаще всего тетради передавались по наследству, потом дописывались:

«Дедушка читал стихи, передал тетради тётке, дочери. Она замуж не ходила» (Веретнёва Н.В., Николаевка);

«Стихи-то материны были! Она с 1889 года, она давненько умерла» (Фёклина В.В., Тирлян);

«Я ещё в *котельне* работала — там училась читать: полено вот положу, *будты* покойник, вот и читаю, читаю... » (Синицына В. П., Ломовка).
 «Я вот так издадека тетрадь всё-таки кладу, мне чтобы не ошибиться. За мной поют люди. Я этого Боже упаси, мне чтобы петь неправильно» (Безумнова А. В., Ломовка).

«Читальщица молитвы читает, а остальные стоят, поют стихи...»

Время, когда поминальные стихи вступили в диалог с похоронным ритуалом, можно только предполагать. Собиратели XIX–XX веков не всегда обращали внимания на контекст исполнения стиха. К 1913 году относится публикация учителя В. Н. Серебренникова по Пермской губернии. От крестьянки Натальи Григорьевой (с. Пихтовка Оханского уезда) он записал ряд стихов, исполняемых ею на похоронах и поминках. В. Н. Серебренников так прокомментировал свои записи: «Пела эти стихи Григорьева иногда одна, иногда ей помогали петь другие женщины, знающие эти стихи»¹³.

В похоронно-поминальной обрядности региона стихи соседствуют с молитвами, но при этом можно заметить, что статус молитвы выше. Церковные книги и молитвы исполняют «читальщицы»: «нанимают читалку», «приглашают», — а труд их оплачивается. В представлениях сообщества читальщицы — люди особого статуса: и возрастного, и нравственного, и культурного. Они получили духовное право отпевать покойников своей близостью к церкви — специально учились и были благословлены батюшкой.

«Читальщицы — старухи. *Учутся*, а потом в церкву поедут, там батюшка их освятит, кого полагается. Значит, она может руководить» (Патрикеева П. М., Тирлян).

«Она замуж не ходила. Если читать книги, то никаких мужиков. И вина пить нельзя. Разговаривала она тихонечко. Обманывать нельзя» (Веретнёва Н. В., Николаевка).

«Чтобы стать читальщицей, это ведь надо у батюшки... Вот идёшь к батюшке... Ну вот хочется тебе читать, идёшь — батюшка даст тебе благословение, и тогда ты можешь читать» (Пудинова Р. И., Тирлян).

Стихи, вошедшие в похоронный обряд, поют все, кто умеет и знает текст; поют после молитв или в перерывах, когда читальщица «устанет и отдыхает».

«По исходе души сначала кафизмы читаем, их двадцать. А другие, которые пришли, поют эти стихи» (Фёклина В. В., Тирлян).

«... когда покойника отпевают, сначала поют „Начало“, а потом — „Канун за единого умершего“, а потом все кафизмы, двадцать штук... А вот между этих *кафизмов*... вот кто придёт — эти самые стихи

и поют. Самые главные молитвы: „*Святы крепки*“ и „Со святыми упокой“, — это первая и последняя молитвы. А стихи уж после поют» (Лузина А. И., Лисовская М. А., Тирлян);

«Читальщица молитвы читает, а остальные стоят, поют стихи» (Пудилова Р. И., Тирлян).

Иной по отношению к молитвам статус стихов находит своё отражение и в том, что на кладбище предпочтительнее читать молитвы:

«Стихи на кладбище? Нет. Там только молитвы, там только „Канун“» (Безумнова А. В., Ломовка).

Пение стихов допускается и для умерших неестественной смертью: «Стихи поют всем, только батюшка не всех отпевает...» (Пудинова Р. И., Тирлян).

Стихи и молитвы информанты различают по характеру исполнения. О молитвах говорят — «читают», а о поминальных стихах — «поют». «Я сама хожу, и читаю, и пою...», — рассказывает о себе Александра Васильевна Безумнова, имея в виду то, что на похоронах она не только читает церковные книги, но и поёт стихи.

В настоящее время институт читальщиц утрачивается. Из жизни ушли люди, не прерывавшие свою связь с верой:

«После войны читальщицы отпали, перестали почти читать» (Скрипков М. И., Николаевка);

«Были читальщицы, были *певчи*, но они теперь все уже *помёрли*» (Безумнова А. В., Ломовка).

Новым читальщицам самоутверждение даётся нелегко. В частности, не всегда удаётся приобщиться к активной церковной жизни, а потому приходится принимать решение самостоятельно: «Сама решила петь, когда у кого случится» (Феклина В. В., Тирлян). Так появились «незаконные» читальщицы:

«А сейчас читальщицы самоучкой: они не учатся» (Сорокина В. М., Тирлян);

«Лет семь читаю, я не церковная читальщица. У меня книжечки, вот и читаю. Благословение надо брать, к батюшке ходить» (Лисовская М. А., Тирлян).

Отношение официальной православной церкви к исполнению на похоронах и поминках духовных стихов противоречивое: от запрета до признания. В сложные для церкви и канонической традиции времена (советская и постсоветская эпохи) проникновение поминальных стихов в обряд обусловлено внутренними потребностями духовной жизни крестьянских сообществ. Зачастую решение стать читальщицей, вести

похоронно-поминальный обряд сопровождает особый этап в жизни женщины — смерть мужа, детей:

«А вот я стала петь, когда схоронила мужа» (Безумнова А. В., Ломовка);

«Начала я петь, когда у меня сын умер» (Бардина А. Е., Авзян).

«„Кукушечка“ поётся одиноко жившему человеку...»

Исполнение стихов подчинено ритуальным правилам, приурочено к обрядовым ситуациям, которые определяют и выбор того или иного текста.

В день смерти поют: «Уж ты келья моя, келья», «Гора Афон», «Райская птичка», «Две дороженьки, две широкие», «Смерть — ужасна она и страшлива», «Вот скоро настанет мой праздник», «Что уныло завываешь». Особыми стихами обозначен обряд «положения во гроб» («как во гроб положат»). В это время исполняют: «Вот скоро настанет мой праздник», «Вы теперь меня простите», «Все мы братия, мы помолимси». На выносе гроба из дома поют: «Вот и жизнь мне прекратилась».

К поминальным обедам приурочены следующие тексты: «Зачем мы, братья, собрались», «Напой, самарянка, холодной водой», «Не робей на суровую долю», «Песнь ко Спасителю». На девять дней поют: «Поминайте меня, братья», «Песнь ко Спасителю», «В далёкой стране Палестине»; на сороковой день — «Здесь духовное собрание», «Миру заступница».

Репертуар стихов корректируется календарными церковными праздниками:

«Если у покойника, то в Пасху всегда „Христос воскрес“ поют. Другие стихи отбрасывают» (Тирлян);

«Ещё смотрим, когда умер. Вот, к примеру, на *Паску*-то вот такие поём, в *Рождество* — совсем другие» (Ломовка).

Выбор стиха обусловлен личностью покойного и его судьбой: мужчина/женщина; одинокий/семейный; старый/молодой, грешный/благочестивый и пр.

«„Соловей“ — для тюремника, для чужестранника. Где умрёт человек на чужой стороне, вот его поют» (Синицына В. П., Ломовка).

«... мужик лежит, ему поют „Ты не пой, соловей, против кельи моей“. Это вроде как мужчине, и вроде как он сиротой рос» (Лузина А. И., Лисовская М. А., Тирлян).

«„Келью“ мы поём, если умерла вдовушка...» (Безумнова А. В., Ломовка).

«Вдове про келью поют» (Оглоблина Т. В., Тирлян).

«А вот если старушка померла — любой старинный стих. Ну вот, стих про старушку: „Как в одной избёнке огонёк горит“, — или „Мы пришли сюда молиться“» (Лузина А. И., Лисовская М. А., Тирлян).
 «„Кукушечка“ поётся одиноко жившему человеку» (Пудилова Р. И., Тирлян).

Драматическую ситуацию выбора текста для исполнения непосредственно в ходе обряда передаёт рассказ А. В. Безумновой:

«„С другом я вчера сидел“... К примеру, какой-нибудь пьяница помер, какой-нибудь... ну, как назвать его... удавленники, утопленники бывают всякие — им этот стих как раз подходит: милости, говорят, не делал я, *дык* и ждать нечего милости от Бога. Вот, а если у кого другого, такого хорошего мужчины, я этот стих никогда не пою, потому что можно обидеть. ...Вот который стих, бывало, бабы скажут: „Саша, давай споём вот этот“. А я говорю: „Нет, там есть такие слова, *которы* могут обидеть хозяев... *которы* слушают“».

Именно содержание стиха определяет его место в ходе похоронного обряда. В духовных стихах отражаются народные представления о жизни души после смерти, в которых сплелись мифологическая и христианская традиции. Трансформация ритуально-мифологического сценария — замена похоронных причитаний на тексты, восходящие к книжной традиции (причитания и стихи могут и совмещаться в обряде) — могла состояться под сильным влиянием культуры старообрядческого типа. Книги, «имеющие авторитет древности», давали старообрядцам чувство превосходства перед «никонианами», на что неоднократно обращали внимание епархиальные власти: «Православные, не знакомые со старинными книгами, но уважающие древность, оставались большею частью безответными перед раскольниками и нередко приходили в сомнение и колебание»¹⁴.

«Мы с возрастающим успехом стали также вводить в семейный быт своих прихожан пение разных духовных стихов...»

Книжный характер языка поминальных стихов обращает исследователей, работающих над проблемой поиска корней этого культурного явления, к истории репертуара православного церковного пения. Он не был неизменным. С расколом русской церкви из официальной традиции уходит пласт старорусских песнопений, они становятся «атрибутом преимущественно старообрядческой субкультуры»¹⁵.

К началу XX века церковь столкнулась с новой для себя проблемой: общенародное пение в храме было вытеснено профессиональным. В канун революционных событий разрыв связи церкви с прихожанами стал, по всей вероятности, особенно ошутим. Появились сторонники возврата к общенародному пению в храме как средству «молитвенного единения»:

«С отменой простого общего пения и введением стройного искусственного пения паства — христиане — были обречены на молчание; из активных они превратились в пассивных деятелей — зрителей»¹⁶. Сторонник нововведений священник Н. Смирнов писал о том, что пение «наёмных» людей делает прихожан безучастными слушателями, храм не становится для них «родным». В то время как «общее пение богомольцев» способствует особому роду единения — «единению молитвенному»¹⁷. Церковь начинает пересмотр сложившейся культуры храмового пения. В 1911 году новая тенденция русской духовной жизни привела к следующему решению Церковно-приходского совета Кирилло-Мефодиевской церкви города Казани: здесь заменили наёмный хор общенародным¹⁸.

О необходимости, пользе и значении общенародного церковного пения в начале XX века писали много¹⁹. Для практической работы в этом направлении в августе 1910 года в Санкт-Петербурге было организовано Церковно-певческое общество. Новоспаский архимандрит Макарий (Гневушев), комментируя эти события духовной жизни, писал: «... общенародное пение — новшество, с одной стороны, а с другой — могучее средство религиозно-нравственного церковного просвещения народа»²⁰. «Новым делом» называет священник Н. Курлов преобразование церковного пения и считает «идею общенародного пения» «недостаточно распространённой»: в епархиях только приступают к её реализации, не верят в успех, не имеют руководства к осуществлению и т. д.²¹.

В помощь приходам для работы с народным хором издаются сборники, где и печатают специально подобранные для исполнения тексты²². Анализ материала этих изданий показал, что отдельные тексты ранее встречались в старообрядческих сборниках: «Агница», «Райская птичка», «Гора Афон», «Что уныло завываешь», «С другом я вчера сидел»²³. Вероятно, в первые десятилетия XX века наметилась тенденция более лояльного отношения к старообрядческой духовной певческой культуре: многие из стихов отнюдь не противоречили официальному православному канону, к тому же были укоренены в устной традиции; наверное, и нехватка текстов, которые можно рекомендовать для народных хоров, давала о себе знать.

Е.А. Зарубина, 1929 г. р., Ломовка

К подобным выводам нас подводят и статьи Н. Курлова, где названа ещё одна причина необходимости развивать общенародное церковное пение: это «дело миссии»²⁴. Автор обращает внимание церкви на тот факт, что общее пение распространено в собрании сектантов, что они много и серьёзно занимаются этой стороной своего богослужения, чем привлекают православных: «В эту зиму приезжал в г. Санкт-Петербург известный вожак сектантов из г. Саратова г. Щ. с собранием русских песен, записанных на фонограф; г. Щ. обратился к известному композитору Р. К. с просьбою вложить русскую мелодию в их стихи, псалмы и гармонизировать их. Р. К. отказался исполнить эту просьбу, но любезные услуги оказали им г. Н. и г. Б. По словам последних, с подобными просьбами обращались и молокане, духоборы и старообрядцы»²⁵.

В 1901 году эту проблему обсуждал съезд миссионеров в Нижнем Новгороде, где было признано, что обновление народной песни духовными стихами «вытеснит современную кабацкую песнь народа и разовьёт вкус и способность к созданию новых истинно патриотических народных песен, чем так богата наша старина»²⁶. В предисловии к сборнику «любимых стихов» для народа составители замечают: «Мы с возрастающим успехом стали также вводить в семейный быт своих прихожан пение разных духовных стихов, пользуясь для сего произведениями наших поэтов и лучшими песнопениями народного творчества»²⁷. Таким образом, к началу XX века работа по развитию народного духовного пения становится одним из значимых направлений в деятельности православной церкви — деятельности, направленной на сближение с паствой. Были собраны, напечатаны — а по восприятию народной средой, и причислены к канону — стихи, ранее бытовавшие на периферии официальной духовной культуры.

Целый ряд текстов, предложенных в начале XX века для общенародного церковного пения, вошёл в похоронный ритуал и горнозаводских сёл Урала: «Райская птичка», «Пора тебе уж пробудиться», «Гора Афон», «Миру заступница», «С другом я вчера сидел», «Стих мученице Варваре», «Овча», «Не унывай, душа моя» и др. Более того, у читальщицы А. Н. Красновой (Ломовка) в семейной библиотеке сохранилось два сборника, изданных для практической работы среди прихожан: «Сборник духовных стихотворений, посвящённых в честь святых угодников» (Пг., 1915. Ч. 3.); «Сборник духовных стихотворений в честь святых угодников» (М., 1914). По её воспоминаниям, в семье читали эти книги, пели стихи. В них мы находим и впоследствии приобщённые к поминальному репертуару тексты: «Гора Афон», «Святая великомученица Варвара». В семье Красновых не случайно умели петь стихи. Оренбургская епархия, в не меньшей степени озабоченная постановкой в приходах общенародного церковного пения, отмечала «лучшую постановку церковного пения», успех хоров из любителей и учащихся Белорецкого, Тирлянского, Узьянского, Авзяно-Петровского приходов²⁸.

Традиция духовных стихов, бытующая в горнозаводских сёлах Урала, представляет собой сложную картину. Она сочетает письменную и устную (в составе похоронного обряда) формы бытования, старообрядческую и официально-православную традиции духовных песнопений, разные культурные эпохи. Старорусские жанры — мифо-эпические фольклорные духовные стихи (например, стих о расставании души с телом «Уж вы голуби») и средневековые «покаянные стихи» — сохранялись прежде всего в старообрядческой среде. В Новое время они были потеснены духовными стихами позднего извода, ориентированными на профессиональную поэзию европейского образца, легко опознаваемую по силлаботоническим размерам и сентименталистско-романтическому образному строю.

В конце XIX — первых десятилетиях XX века народный репертуар духовных стихов был серьёзно дополнен и расширен в результате деятельности православных священников, сторонников общенародного пения. После революционных событий, после разрушения церковной жизни духовные стихи закрепились в похоронно-поминальной обрядности. Старокнижные и церковные корни текстов обеспечивали им особый авторитет в крестьянском сознании. Стихи сохранили и проговаривали народные представления о праведничестве и смертном грехе, о мытарствах души и загробной жизни. В новой для себя историко-культурной ситуации они были единственными хранителями не только народного православия и древнерусского наследия, но и гонимой атеистами церковной традиции — в той форме, в какой это было возможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее по тексту статьи курсивом передаются особенности диалектной речи.

² Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации. М., 1996. С. 513.

³ Гвоздиков И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа, 1999. С. 130.

⁴ Материалы архива Лаборатории народной культуры МаГУ. Шифры хранения можно уточнить по списку информантов.

⁵ Таблица составлена на основе данных, размещённых в следующих изданиях: Оренбургские епархиальные ведомости. 1892. № 14. С. 120–149; Расписание городских и сельских приходов, церквей и причтов Оренбургской Епархии на 1900 год.

⁶ ГУ ГАОО, ф. 173, оп. 9, ч. 3, д. 1453. Клировые ведомости.

⁷ Оренбургские епархиальные ведомости. 1916. № 3–4.

⁸ Оренбургские епархиальные ведомости. 1914. № 9. С. 89; № 32–33; 1915. № 22. С. 241.

⁹ Оренбургские епархиальные ведомости. 1889. № 10. С. 125.

¹⁰ Оренбургские епархиальные ведомости. 1887. № 17. С. 1–3.

¹¹ Оренбургские епархиальные ведомости. 1877. № 16. С. 522.

¹² Уральский старообрядец. 1915. № 12. С. 10.

¹³ Серебренников В. Н. Из похоронных причитаний: Стихи духовного содержания / В. Н. Серебренников. Пермь, 1916. С. 1. Среди опубликованных есть и сюжеты, бытующие в нашем регионе («Смерть — ужасна она и страшлива...», «Умоляла мать родная...»).

¹⁴ Оренбургские епархиальные ведомости. 1873. № 2. С. 71.

¹⁵ Свердлова Е. А. Погребальные духовные стихи саратовского Поволжья как открытая полистилевая жанровая система // Славянская традиционная культура и современный мир. Сб. матер. научн. конфер. М.: Госуд. центр рус. фольклора, 2005. Вып. 8. С. 129.

¹⁶ Об общенародном пении, его необходимости, пользе и значении в жизни христианской вообще, в приходской жизни — в частности. Казань, 1911. С. 5.

¹⁷ Смирнов Н. Общецерковное пение как средство для возрождения прихода. М., 1914. С. 4–6.

¹⁸ Об общенародном пении... С. 3.

¹⁹ Перечислим некоторые издания, связанные с данной темой: «Опыт всенародного церковного пения в сёлах и в Армии» (СПб., 1902); «Общенародное церковное пение и его значение для православной церкви» (Вильна, 1912); «Об общенародном пении, его необходимости, пользе и значении в жизни христианской вообще, в приходской жизни — в частности» (Казань, 1911); «Общецерковное пение как средство для возрождения прихода» (М., 1914).

²⁰ Общенародное церковное пение и его значение для православной церкви. Вильна, 1912. С. 15.

²¹ Курлов Н. Опыт всенародного церковного пения в сёлах и в Армии. СПб., 1902. С. 15.

²² Вот некоторые из этих изданий: «Церковные песнопения для общенародного пения» (Казань, 1910. Вып. 1–2); «Духовно-нравственные песнопения. Для массового пения» (Саратов, 1911); «Духовные песни православных христиан для внебогослужебного употребления» (Екатериноград, 1912); «Слово жизни в духовных стихах, избранных и положенных на ноты для простого народа» (СПб., 1914); «Наши любимые стихи. Духовные песнопения общенародного хора при Воскресенско-Кадашевской церкви в г. Москве. Издание общенародного хора» (М., 1916).

²³ Ясанов В. З. Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы. Саратов, 1916. Ч. 1.

²⁴ Курлов Н. Указ. соч. С. 22.

²⁵ Там же. С. 27.

²⁶ Там же. С. 28, 36.

²⁷ Наши любимые стихи. Духовные песнопения общенародного хора при Воскресенско-Кадашевской церкви в г. Москве. М., 1916. С. 3.

²⁸ Оренбургские епархиальные ведомости. 1917. № 20–21. С. 220.

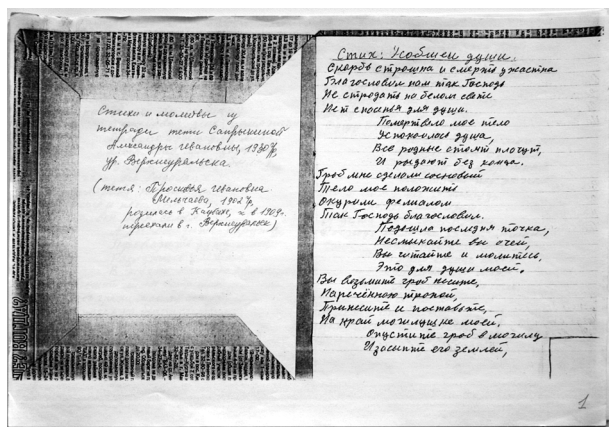
ТЕКСТЫ ДУХОВНЫХ СТИХОВ

по экспедиционным записям

Все мы братия, мы помолимси...

Все мы *братия*, мы *помолимси*
 Ко *последняму* ко *рыданию*,
 Ко *последняму* ко *воздыханию*.
 Как душа с телом *расставалася*,
 Как ум с головой *распрошчались*.
 Очи его *закрывались*,
 Уста его *затыкались*,
 Руки к сердцу *прилагались*.
 Тело его *у земле* *придадут*,

А душу же его на суд поведут.
Кто мне будет *путяшественник*,
Кто проводит-то в рай Господний,
Кто доведёт до престола Божьего?
Была бы святая та милостыня,
Проводила бы да в рай Господний.
Была ли бы любовь добродетелью,
Проводила бы до престола Божьего.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Молилася бы ангелу-хранителю.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Молилася бы Матушке-владычице
Пресвятой нашей Богородице.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Молилася бы о Михайле-архангелу.
Увы, горе душе *грешнай*
Без добрых дел.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Сосчитала бы *сколь* на небе звёзд.
Увы, горе душе *грешнай*
Без добрых дел.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Пербрала бы я всю земную пыль.
Увы, горе душе *грешнай*
Без добрых дел.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Перщетала бы *дождевы* капли.
Увы, горе душе *грешнай*
Без добрых дел.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Пербрала бы весь морской песок.
Увы, горе душе *грешнай*
Без добрых дел.
Кабы знала душа муку *вечную*,
Провисела бы я на колу *щечкой*,
Провисела бы всю земную жизнь свою,
Дожидалась бы я конца *веку*.
А *теперь* горе душе *грешнай*
Без добрых дел — без конца веков.

Из тетради А. И. Сапрыкиной, Верхнеуральск

Стих бытует в Ломовке. Поётся вечером, «когда покойник лежит». В настоящее время исполняется редко, так как «длинный и не все его знают». Записан от Е. И. Плоховой в 1993 году.

Стих о грешной душе, лейтмотивом является фраза: «Увы, горе душе грешной!» Темы посмертного пути, Божьего суда значительно сокращены, в то время как покаянная часть составляет основное содержание записанного от Е. И. Плоховой текста («кабы знала душа...»). Ср. с текстом, записанным А. Ф. Можаровским от старообрядцев Поволжья [Можаровский: № 45]:

Жила душа грешная на вольном свету,
Бранилася да не корилася,
Умерла душа, — не простилася.
Сослал Господь по душу грешную
Двух ангелов-архангелов.
Мимо раю, мимо светлого
Пролегал дороженька.
По этой дороженьке
Проходили два ангела:
Один денной, другой ночной,
Проводили душу грешную
Мимо раю, мимо светлого,
Душу грешную выпрашивали:
«Что ты, душа, к ней в рай не пошла?
У нас в раю древа кипарисныя,
Поют в раю птицы райския».
Душа грешная только всплакнула.
Повели ангелы-архангелы
Душу грешную по мытарствам.
Водили душу грешную
Тридцать лет и три года.
Не нашла себе пристанища,
Ни ложки воды, ни капли росы.
Тут душа грешная замытарилась,
Замытарилась, *воспокаялась*:
«Лучше бы я на вольном свете
Тридцать лет и три года
Носила бы камни великие,
Пески *рудожёлтые*
За своё великое согрешение!»

Встань, что спишь, от сна пробудись ...

Встань, что спишь, от сна пробудись
 И горько восплачь, и Богу помолись.
 Конец приближается, суд при дверях,
 А ты проживаешь во тьме и грехах.
 Встань, встань и в себя приди,
 Смотри: смерть с косою стоит позади.
 — О страшная смерть, ты зачем здесь стоишь,
 Кого ты ищешь, так зорко глядишь?
 Наверное, ошиблась, пришла ты ко мне,
 Или я ошиблась и вижу во сне.
 Иди же, иди, удались от меня,
 Я молод летами, не ждал я тебя.
 — О нет, уже поздно просить здесь меня,
 Своею косою поражу я тебя.
 — О страшная смерть, умоляю тебя,
 Хотя на немного пусти ты меня.
 Ты видела — я молод, ещё не готов,
 На мне преисполнено много грехов.
 — О нет, уже поздно просить здесь меня,
 Ни золотом, ни серебром не откупишь меня.
 Я послана Богом тебя разлучить,
 А там — его воля, он будет судить.
 Чего заслужила, с тобой всё пойдёт,
 Добро или худо никто не возьмёт.
 Было тебе время, и вольный был свет,
 Теперь уже время идти на ответ.
 — О верная смерть, умоляю тебя,
 Последнюю просьбу прими от меня:
 Хоть на один час пусти ты меня,
 Тогда с собою приму я тебя
 И горько *восплачу*, умоюсь в слезах
 И Богу покаюсь я в тяжких грехах.
 Я в Божию церковь пойду помолюсь
 И телом и кровью к кресту приобщусь.
 Я малых маюток крестом осеню,
 С надеждой на Бога *отсель* отойду.
 — Мне кончено время с тобой говорить,
 Должна я скорее тебя разлучить.
 И тут уже конец совершила она,
 И душу от тела она развела.

Стих бытует в Ломовке, Тирляне, В. Авзяне. Пели у покойника. В тетрадах назван «Стих о смерти». Переписан из тетради В. П. Синецкой в 1998 году.

Бликие варианты стиха записаны Е. А. Бучиной в Нижегородской области [Бучина: № 156–158]; как поздний «религиозный стих» представлен в «Традиционной культуре Гороховецкого края» и озаглавлен «Смерть» [ТКГК: № 708]; в «Смоленском музыкально-этнографическом сборнике» помещён с комментарием: поют, «когда сидят у покойника» [СМЭС: № 41]. Текст, по мнению Е. А. Бучиной, представляет собой фрагмент стиха «Аника-воин» редакции середины XVI века, где смерть приходит к многогрешному человеку и разводит душу с телом. С 90-х годов XX века фиксируется бытование текста у старообрядцев и в православной традиции.

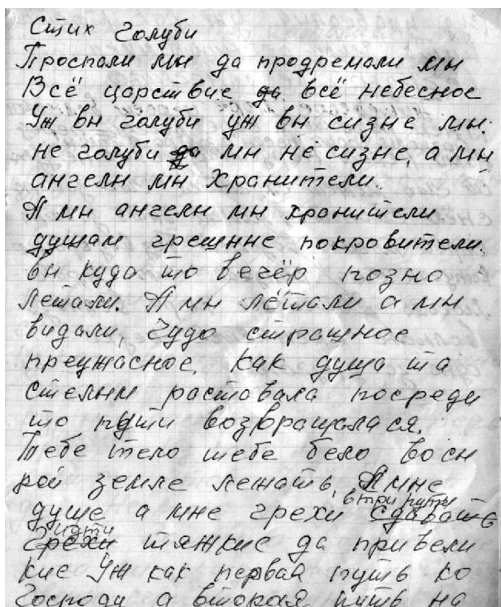
Голуби (Голуби, ох вы сизыя...)

1

Голуби, ох вы *сизыя*!
 Мы не голуби, а мы ангелы,
 А мы ангелы, мы архангелы.
 Куда мы летали?
 Мы летали на *прошченьица*:
 Душа с телом *расставалася*,
Расставалася и распрошчалася.
 Повели душу ко первой горе.
Перва гора разгоралася,
 Душам грешным *припасалася*.
 Повели душу ко второй горе,
 Вторая гора — котлы кипят,
 Котлы кипят, раскипаются,
 Душам грешным *припасаются*.
 Повели душу ко *третьей* горе.
 А третья гора — червь кишит, *раскишается*.
 Эта душенька *устрашилася*.
 Подошла она к червям, низко *поклонилася*:
 Погодите меня, червь, кусать-точить.
 Я пойду к *своем, своем* детушкам,
 Скажу я им, чтоб они Богу *молилися*,
 Подавали *оне* святую *милостиньку*.
 Аминь.

2

— Уж вы голуби, уж вы сизые,
Куда вы летали?
— На растаницу,
Где душа с телом расставалася,
Где расставалася, распрощалася.
— Ты прости, тело белое.
Как тебе, телу, в земле лежать,
А мне, *душеньки*, на суде стоять,
Перед тем судом, перед праведным,
Перед престолом, перед божьим.
Повели душу ко <нрзб.>
Там огни горят, разгораются,
Душам грешным припасаются.
Эта душенька устрашилася,
Назад к телу воротилася.
Воротилася, распрощалася.
Повели душу ко другой горе,
Ко *Шонской*.
У второй горы котлы кипят,
Котлы кипят, раскипаются,
Душам грешным припасаются.
Эта душенька устрашилася,
Опять к телу воротилася.
Повели душу ко третьей горе,
Ко *Спонской*.
Там и черви кишат, раскишаются,
Душам грешным припасаются.
Эта душенька червям покорилася
И поклонилася.
— Погодите, черви, не кусайте
И не точите меня.
Я схожу к своим детушкам,
Чтобы они Богу молилися
И подавали святую милостыню.
— Поздно, душенька, ты схватилася.
Жила на вольном *свету*,
Богу не молилася.

Из тетради П. А. Черепановой, с. Янгелька

(№ 721–725). Материалы, характеризующие особенности распева стиха, в работах Н. С. Мурашовой, Е. А. Свердловской.

Текст бытует в Ломовке, Николаевке. Поют «у покойника». Вариант 1 — записан от В. П. Сеницыной в 2004 году. Вариант 2 — переписан из тетради А. К. Тимаковой в 2000 году.

Стих неоднократно записывался фольклористами, широко бытовал в певческой традиции и имеет много вариантов. Текст восходит к духовному стиху «Грешница», опубликованному В. Варенцовым в 1860 году в разделе «Белорусские стихи» [Варенцов: 236–239]; Я. Ильинским в 1906 году как народное апокрифическое сказание, распространённое среди старообрядцев Ярославской губернии [Ильинский: 40–41]; в «Этнографическом обозрении» за 1898 год как текст из репертуара народных исполнителей духовной песни [ЭО: 176]. Запись Н. Барсова напечатал Е. А. Ляцкий [Ляцкий: 129–132]. В конце XX века Е. А. Бучилина встретила его в репертуаре старообрядки часовенного согласия и у старообрядцев-федосеевцев [Бучилина: № 164–165]. Как поминальный стих публикуется в СМЭС (№ 8789); ТКГК

Две дороженьки, две широкия ...

1

Две дороженьки, две широкия.
 Никто по ним не хаживал,
 Никто по ним не езживал.
 Аллилуия, аллилуия.
 Только шли-прошли два ангела,
 Два ангела и два архангела.
 За собой вели душу грешную.
 Мимо рая шли, в рай не зашли.
 Аллилуия, аллилуия.
 А у нас в раю растёт дерево,
 Растёт дерево купарисское.
 Аллилуия, аллилуия.
 А на деревце вершинычка вся золочёная,
 А веточки все подзолочанные.
 На каждой веточке сидят ангелы,
 Сидят ангелы и архангелы.

Они поют стихи *херувинския*,
 Они поют стихи *херувинския*,
Серафимския.
 Аллилуия, аллилуия.
 А у нас в раю течёт реченька,
 Течёт реченька *медовыя*.
 А у нас в раю цветут цветы *лазоревыя*.
 Недостойная моя душа грешная.
 Аллилуия, аллилуия.
 Повели душу, душу грешную,
 Душу *грешную* в муку вечную,
В муку вечную, бесконечную.
 Аллилуия, аллилуия.

2

Ты *дороженька непроходимыя*,
Непроходимыя, невозвратимыя,
 Что *никто-та по ей* да ни прохаживал (2 р.).
 Только шли да прошли да два *ангелы*,
 Два *ангелы*, два *архангелы*.
 Пронесли-та они да душу *грешную*,
 Душу *грешную* да муку *вечную*.
 — Ты *почто* же, душа, да мимо *рая* прошла,
 Мимо *рая* прошла, да ты к нам в рай не зашла.
 Как у нас-то в *рая* да жить-то весело,
 Жить-то весело, да жить-то некому.
 Посреди-та рая да бежит *реченька*,
 Бежит *реченька* да вся медовая,
 Берага-та *у ей* да все сахарные,
 А древа-та стоят да *кипарисывы*.
 — Я бы рада зашла да согрешила без числа.
 На древах-та сидят да птички *райски*,
 Что поют-та стишки да херувимские,
 Херувимские да *серафимския*,
 Что поют-та они да «Аллилуйя,
 Аллилуйя, да слава тебе *Божи*,
 Аллилуйя, да слава тебе *Божи*».

Текст бытует в Ломовке, Кирыбинке. Исполняется перед похоронами. Вариант 1 — записан от В.П. Сеницыной в 2004 году. Вариант 2 — записан от Н.А. Петровой в 2006 году. А.Ф. Можаровский зафиксировал бытование стиха у старообрядцев Поволжья [Можаровский: № 45].

Здесь духовное собрание...

Мы пришли сюда молиться,
Чтобы душу проводить.
Здесь духовная собранья,
Пришли душу проводить.
Сорковой денёк ей нынче,
Во путь вечный проводить.
Расскажи, душа родная,
Где все денёчки ты была!
Иль спокойно ты бродила,
Или крепко ты спала?
— Ох вы, *сроднички родня,*
Ни часочка не спала,
На поклон к Богу ходила,
Всё по лестнице я шла.
И на каждой на ступеньке
Я задержена была.
Ох, последняя ступенька,
Сама страшная была:
Окружила вражья сила,
Трепетала бедна я.
И куда-то *скрылси* ангел,
Беззащитна я была.
Я стояла *на коленях,*
Стала Господа просить:
— Ты, Иисусе, наш спаситель,
Спаси *грешную* меня.
И кругом я всё смотрела,
Никто меня *не защитил.*
Потом направо я взглянула,
Стоит святитель Николай.
— Ох ты, Отче мой святитель,
Спаси *грешная* меня.
И со страшной со ступеньки
Проводил *грешну* меня.
— Не плачь, душа, ты умиленно
Проси *сродничков* своих,
Чтобы Богу помолились
О твоей грешной душе.
— И вы, *сроднички родня,*
Помолитесь обо мне.
Сорковой денёк мне нынче,

На свиданье к вам пришёл.
Нынче будет мне решение,
 Куда Господь определит.
 Если Богу угодил я,
 То в рай светлый поселит.
 Если Бога я грешила,
 В муку *вечную* пошлёт.

Текст бытует в Ломовке, Тирляне, Кирябинке. Исполняли в первый день смерти и на 40 день, когда «душу провожают». Считается «старинным» стихом. Пели умершим старым женщинам. Записан от М. А. Лисовской в 1999 году.

С 1930-х годов тексты духовных стихов практически не печатались, впервые текст опубликован Е. А. Бучилиной в 1999 году [Бучилина: № 181]. По её материалам он оценивается как активно бытующий в разных традициях: у федосеевцев, у спасовцев, у православных христиан. Вариант Свято-Данилова монастыря (запись 1997 года) публикует «Богогласник» [Богогласник: № 353]. См. также: ФСК: № 2–4; ТКГК: № 727. Стих имеет назидательный характер: описывает посмертный путь души к Богу, её мытарства на каждой ступени и момент окончательного суда.

Келья¹ (Уж ты келья, моя келья...)

Уж ты келья, моя келья,
 Келья томная моя.
 Как *во эту* келью томну
 Приходила *удова*².
 Она плакала, рыдала:
 — Возьми, келья, ты меня.
Невидаючи, упала
 С неба яркая звезда.
 Испугалась вдовица,
 А вдовица молода.
 Приклонилась, зарыдала:
 — Господи, спаси меня.
 В келье двери растворились:
 — Заходи сюда, вдова.
 В келье голос *зароптался*:
 — Зачем, вдовица, ты пришла?
 — Я пришла сюда молиться,
 Чтобы Бог простил меня.
 Я *от сродства* удалилась
 И от злости ухожу,
 Я пришла сюда молиться,

¹ Вариант названия — «Вдова».

² *Удова* — вдова.

Чтобы Бог простил меня.
 В келье голос *зароптался*:
 — Как ты будешь здесь одна?
 — А я Бога призываю:
 «Господи, спаси меня».
 — *Здесь горы-те высоки,*
Здесь тёмные леса.
 Ты, вдовица молодая,
 Как ты будешь здесь одна?
 А я Бога призываю:
 — Господи, спаси меня.
 — *Здесь звери-то лихие,*
 Испугаешься, вдова!
 — А я Бога призываю:
 «Господи, спаси меня».
 Уж ты келья, моя келья,
 Келья томная моя,
 Ты *лампадаю* святою
 День и ночь освещена.
 Пред заступницей святою
 День и ночь горит она,
 А я, грешная, молюся,
 Чтобы мир скорей забыть,
 Чтоб благою тишиною
 Келью томную любить.
 Как *древо* грозой *разбита*,
 Как запоздалая звезда,
 Как *запёртая* птичка в келье, —
 День и ночь сию одна.

Текст бытует в Ломовке, Тирляне, Николаевке, Кирыбинке. Поётся вдовам («если померла вдовушка»), вдовой, «котора мужа хоронит»; в первый день, на похоронах и поминках. Переписан из тетради М. А. Ефимовой в 2004 году.

Стих «Келья» следует рассматривать в ряду текстов сюжета «разговор с пустыней», выделенного П. Бессоновым в сборнике «Калики перехожие» [Бессонов: 45–58]. Тема восхваления пустынножительства, трудного, но единственно спасительного пути души связывает стих с «Плачем Иосафия-царевича перед пустыней».

Не унывай, не унывай, душа моя...

Не унывай, не унывай, душа моя,
 Уповай, уповай на Господа
 И на *вышняго* на создателя.
 Видишь, Господи, печаль мою,

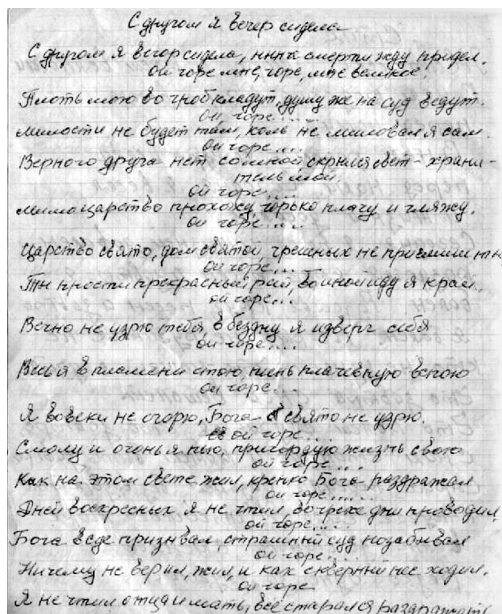
Ты кого ко мне пошлѣшь, Владыко мой?
 Или ангела *мого* хранителя,
 Или сам ко мне сойдѣшь, Владыко мой?
 Владыко мой, отец *щедрой*,
 Я твоя-то овца *заблудящая*,
 Да *заблудящая*,
 От *твого-та* стада да я отставшая.
 Ты приткни-ка меня к своему-та стаду,
 К своему-та стаду, да ко избранному.
 Я хотела идти и да я правым-то путѣм,
 А меня-то враги да и всё излавливали
 И со всех меня сторон сѣтьми закидывали,
 Да сѣтьми меня, сѣтьми,
 Да сѣтьми вражескими.
 Ты наставь-ка меня да на свои-та пути,
 На свои да пути праведные, да пути праведные.
 И во веки веков, и во веки. Аминь.

Как «старинный» стих бытует в В. Авзяне, Тирляне. На похоронах поют редко. Записан от В.М. Сорокиной, А.И. Лузиной, П.А. Оглобиной в 1999 году. В начале XX в. стих опубликован А.Ф. Можаровским как духовный стих старообрядцев Поволжья [Можаровский: № 33]. В начале XXI века он публикуется по монастырским записям [Богогласник: № 53]; как похоронный стих [СМЭС: № 22].

С другом я вчера сидел...

С другом я вчера сидел, ныне смерти зрю предел.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Плоть мою во гроб кладут, душу же на суд ведут,
 Милости не будет там, *коль* не миловал я сам.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Верна друга нет со мной, скрылся свет-хранитель мой.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Мимо царства прохожу, горько плачу и гляжу.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Царство горько, слѣзно зрю и прегорько говорю:
 — О, горе мне, горе мне великое!
 Царство свято, дом святых, грешных не приемлешь ты.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Ты прости, прекрасный рай, во иной иду я край.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Вечно не узрю тебя, в бездну предам сам себя.
 Весь я в пламени стою, песнь плачевну вопию.
 О, горе мне, горе мне великое!

Я вовеки не сгорю, Бога свята не узрю.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Как на том я свете жил, крепко Бога разрушил.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Дней воскресных я не чтил и во грехах их проводил.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Бога всеу призывал, Страшный суд я позабывал.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Я не чтил отца и мать, всё старался раздражать.
 Потому не видя жил и как скверный пёс ходил.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Всякий грех творил стократ, райских не искал палат.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Все законы преступил, страшный богохульник был.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Каяться я не хотел, Бога в сердце не имел.
 О, горе мне, горе мне великое!
 Поруган не будет Бог, всем он сломит гордый рог.
 О, горе мне, горе мне великое!
 По делам воздал всем он, нарушающим закон.
 О, горе мне, горе мне великое!

Из тетради П. А. Черепановой, с. Янгелька

Стих бытует в Ломовке. Пели «плохим» покойникам: удавленникам или утопленникам. Записан от Е. И. Плоховой в 1993 году.

А. Ф. Можаровский записал стих у старообрядцев Поволжья с подзаголовком «Стих о мытарствах» [Можаровский: № 46]; у В. З. Яксанова он назван «В ожидании смертной кончины» [Яксанов: с. 52–54]; Т. С. Рождественский публикует стих в «Памятниках старообрядческой поэзии» [Рождественский: № 92]. Старообрядческие корни бытования не помешали включить его и в «Сборник духовных песнопений в честь святых угодников», где указан автор — «М. Иеромон. Мусатов» [Сб. дух. песн.: 52–53]. В старообрядческой среде записала его Е. А. Бучилина [Бучилина, № 166]. См. также: ТКГК: № 711 (заголовок рукописи «О горе мне»); СМЭС: № 203.

Умоляла мать родная...

Умоляла мать родная
Сваво милого дитя,
 Пред кончиною рыдала,
 О судьбе её грустя.
 — Распростишься навек со мною,
Ненаглядной мой *цвяток*,
 Скоро будешь сиротою
 Цвести в поле одинок..
 Мне минута наступила
 Тебя навек *спокидать*,
 Скоро холодная могила
 У тебя похитит мать.
 Ты, звезда моя, десница,
 Пожалей своей красы,
 Не губи себя, девица,
 Не плети ты две косы.
 Не меняй волю *златую*
 На *прелестныя цвяты*,
 На богатство — жизнь земную,
 На заботы суеты.
 Ты теперь хоть не богата
 И в народе не славна,
 Но навек птичка крылата,
 Беспечальна и вольна.
 Не забудь себя, девица,
 Твой жених — небес творец,
 Вовек будешь как десница,
 С ним придёшь ты под венец.
 Рай *пресветлай* на Востоке —
Вечнай радости страна.
 Незаметно.....¹
 Будешь ты жить тут одна.
 Лучше царских там палаты,
 И.....,¹ и сады,
 Терема, чертоги златы,
 В садах *дивныя* плоды.
 Поля *услыны* цветами,

¹ Пропущенные фрагменты текста связаны с дефектом аудиозаписи.

Росы запах издают,
 Рост.....¹ *древами*,
Тама ангелы поют.
 Славно *катют*...¹ реки,
 Чаше слёз одна струя.
 Ты *вселишняя* навеки,
 Дочь любимая моя.
 Там не жди беды-напасти,
 Ни печали никакой,
 Все погаснут души страсти,
 Там лишь радость и поют.
 Ты люби себя, девица,
 Осторожна будь всегда.
 Не пей пива, ни вина,
 Дочь любимая моя.
 Не забудь *сего* совета,
 Ты послушай свою мать:
 Рай пресветлый *сего* света
 Тебя там станут ожидать.
 Мать последний раз *вздыхнула*,
Оградившись крестом,
 На девицу раз взглянула
 И уснула вечным сном.
 Не забыла два я слова —
 Помнить материн завет.
 Без пристрастия земного
 Она жизнь свою ведёт.

Стих бытует в Ломовке. Поётся на похоронах. Записан от В.П. Синицыной в 2004 году.

Текст бытовал главным образом у старообрядцев: по Ярославской губернии это было отмечено Я. Ильинским [Ильинский, с. 47–48]; Т.С. Рождественский публикует стих в «Памятниках старообрядческой поэзии»; [Рождественский: 163–164]. В 1913 году он был записан учителем В.Н. Серебренниковым в Пермской губ. от крестьянки, читавшей псалтырь на похоронах [Серебренников]. Проблемный фрагмент записи выглядит следующим образом:

На востоце рай при (е) светлой (ый)
 Лучше всех на свете стран.
 Там при (е) светлые да палаты,
 Виноградные цветы.
 Меж цветами да древами
 Светлы ангелы поют.

Мать умолкла, вздохнула,
 Огради себя крестом,
 Очи тусклые сомкнула
 И уснула вечным сном.

По Нижегородской области стих был неоднократно записан Е.А. Бучилиной от православных христиан и старообрядцев-федосеевцев [Бучилина, № 173–176; ТКГК: № 702–703]. Любопытная деталь: наша исполнительница уверена в том, что переписала его у «баптистов», некогда живших в Ломовке.

Соловей (Ты не пой, соловей...)

Ты не пой, соловей,
 Против кельи моей
 И молитве моей
 Не мешай, соловей.
 Я и так много лет
 В мире злобном страдал,
 Много бед и скорбей
 С юных лет испытал.
 Улетай, соловей,
 Где отчизна моя,
 Ты пропой ещё там,
 Где родные мои.
 На могиле у них
 Ты и сядь, отдохни,
 Ты пропой ещё раз,
 Как мне грустно здесь жить,
 Вспоминая о них,
 Не могу позабыть.
 Ах, зачем *напевашь*,
 Что стараюсь забыть,
 И в душе *воскрешашь*,
 Что нельзя возвратить.
 Аминь.

Стих бытует в Ломовке, Тирляне. Пели для «тюремника», «чужестранника»; человеку, умершему на чужой стороне; одинокому мужчине. Переписан из тетради М.А. Ефимовой в 2004 году. До 1960-х годов фиксируется бытование текста в монастырях; см.: Богогласник: № 36 (записан с голоса).

Кукушечка (Кукушечка, душа моя...)

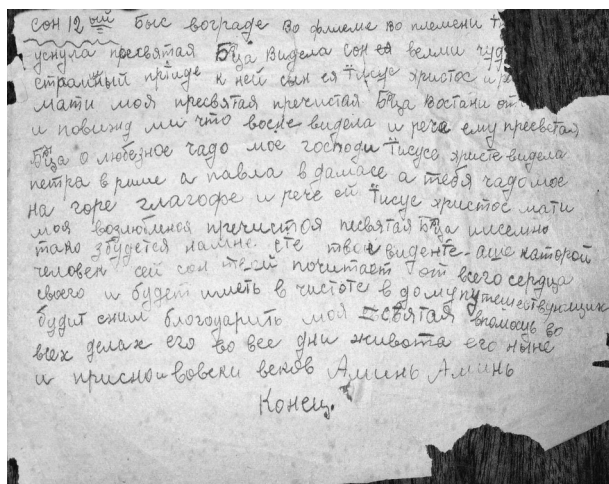
— Кукушечка, душа моя,
 Да куда же ты летишь,
 Всё ты жаркуешь?
 — Лечу же я, лечу
 Всё я в ту страну,
 Всё я в ту страну ко Спасителю.
 «Спаситель мой, спаси мою душу».
 — Припадай-ка ты к нему,
 К стопам его.
 И проси-ка его со усердием.
 «Ещё как же буду я,
 Буду крест нести».
 «Неси-ка ты крест
 Да без ропоту».

Стих бытует в Тирляне (тетради А. И. Назаровой, Р. И. Пудиновой, Е. А. Феклиной). Поётся на похоронах одиноко жившему человеку. Переписан из тетради А. И. Назаровой в 2000 году.

Текст отсылает к фольклорным традициям песен-заплачек: образ кукушки, беззащитной горюющей сироты характерен для свадебных и похоронных причитаний. В нашем случае ведущим является мотив греховности птицы. По народным православ-

ным представлениям, в кукушек превращались девушки за подшучивание над Христом или святыми, за нарушение запрета работать в праздник.

Ср. устный комментарий к тексту: «А вот кто дал мне — не помню. Поётся всегда. Смысл этой кукушечки: тоскует ведь она, одинокая... вот и в лесу-та кукушечка тоскует. Крик кукушки в селе — это к пожару или к худу какому. Вот в 1980 годах кукушечка в селе куковала — в Шибавке весь порядок сгорел» (Пудинова Р. И., Тирлян).

«Двенадцатый сон Богородицы», с. Кирябинка

СОКРАЩЕНИЯ

- Бессонов* — *Бессонов П.* Калики переходные. Сб. стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861. Ч. 1. Вып. 1.
- Богогласник* — Созвучие времён. Богогласник. Единоцко-Бричанская епархия, 2004.
- Бучилина* — *Бучилина Е.А.* Духовные стихи. Канты: Сборник духовных стихов Нижегородской области. М., 1999.
- Варенцов* — *Варенцов В.* Сборник русских духовных стихов. СПб. 1860.
- Ильинский* — *Ильинский Я.* Народные апокрифические сказания, записанные в Ярославской губернии // *Живая старина*. 1906. Вып. 1.
- Ляцкий* — *Ляцкий Е.А.* Стихи духовные. СПб., 1912.
- Можаровский* — *Можаровский А. Ф.* Духовные стихи старообрядцев Поволжья // *Этнографическое обозрение*. 1906. № 3–4.
- Рождественский* — *Рождественский Т. С.* Памятники старообрядческой поэзии. М., 1909.
- Сб. дух. песн.* — Сборник духовных песнопений в честь святых угодников. М., 1914.
- Серебренников* — *Серебренников В.Н.* Из похоронных причитаний: стихи духовного содержания. Пермь, 1916.
- СМЭС* — Похоронный обряд. Плачи и поминальные стихи. Смоленский музыкально-этнографический сборник. М., 2003. Т. 2.
- ТКГК* — Традиционная культура Гороховецкого края. М., 2004. Т. 2.
- ФСК* — Фольклор Судогодского края. М., 2001.
- ЭО* — Этнографическое обозрение 1898. № 3.
- Яксанов* — *Яксанов В.З.* Сборник стихов духовного содержания для старообрядческой семьи и школы. Саратов, 1916. Ч. 1.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ

- Балбекова Клавдия Фёдоровна*, 1915 г. р., обр. нет, урож. п. Тирлян.
- Балдуева Екатерина Васильевна*, 1927 г. р., обр. 10 кл., урож. п. Тирлян.
- Бардина Анна Егоровна*, 1930 г. р., урож. п. В. Авзян.
- Бардина Мария Дмитриевна*, 1928 г. р., обр. ср.-спец., урож. с. В. Авзян.
- Безумнова Александра Васильевна*, 1927 г. р., обр. 7 кл., урож. п. Ломовка.
- Благова Антонина Андреевна*, 1915 г. р., обр. 4 кл., урож. п. Тирлян.
- Бочкарёва Римма Ивановна*, 1930 г. р., обр. ср.-тех., урож. с. В. Авзян.
- Веретнёва Нина Васильевна*, 1930 г. р., урож. д. Николаевка.
- Волков Леонид Николаевич*, 1932 г. р., обр. высшее, урож. п. Тирлян.
- Елисеева Ольга Фёдоровна*, 1925 г. р., обр. 7 кл., урож. с. В. Авзян.
- Казармшикова Анастасия Дмитриевна*, 1896 г. р., обр. нет, урож. п. Зигаза.
- Киселёва Мария Кузьминична*, 1926 г. р., обр. 7 кл., урож. с. Кага.
- Кузнецова Анна Александровна*, 1921 г. р., урож. с. Кага.
- Лисовская Мария Александровна*, 1921 г. р., обр. 7 кл., урож. п. Тирлян.
- Лузина Анна Ивановна*, 1936 г. р., обр. 6 кл., урож. п. Тирлян.
- Медведков Николай Павлович*, 1925 г. р., обр. 2 кл., урож. п. Тирлян.
- Оглоблина Тамара Васильевна*, 1930 г. р., обр. 6 кл., урож. п. Тирлян.
- Патрикеева Пелагея Максимовна*, 1910 г. р., обр. 1 кл., урож. п. Тирлян.
- Плохова Елизавета Фёдоровна*, 1931 г. р., урож. п. Ломовка.
- Поздышев Фёдор Фёдорович*, 1938 г. р., обр. 7 кл., урож. п. Ломовка.
- Петрова Екатерина Спиридоновна*, 1935 г. р., обр. 7 кл., урож. с. В. Авзян.
- Петрова Нина Александровна*, 1935 г. р., обр. 7 кл., урож. с. Кирыбинка.
- Пудинова Раиса Ивановна*, 1944 г. р., обр. политех., урож. п. Тирлян.
- Серёгина Анна Васильевна*, 1921 г. р., урож. с. В. Авзян.
- Савельева Анна Петровна*, 1930 г. р., обр. 4 кл., урож. с. Узян.
- Синицына Варвара Павловна*, 1927 г. р., обр. 4 кл., урож. п. Ломовка.
- Скрипков Михаил Иванович*, 1921 г. р., обр. 5 кл., урож. д. Николаевка.
- Сорокина Валентина Михайловна*, 1912 г. р., обр. 3 кл., урож. п. Тирлян.